

Развращение высшего общества. Культура распада

Инструментом нравственного разложения общества стали новые, позиционируемые в качестве передовых, течения в культуре. С одной стороны — широкая пропаганда пороков, нормативизация греха. С другой — релятивизм, разрушение традиционных добродетелей, представлений о долге.

Впоследствии данный период был назван «Серебряным веком русской культуры». Действительно, это время выдвинуло целую плеяду выдающихся поэтов, художников, композиторов, философов. Но яркость угасания не отменяет общий тренд, ведущий систему к гибели. Декаданс — упадок, культурный регресс — стало аккумулятивной характеристикой этого периода в истории культуры. С одной стороны, пропаганда разврата, распространение порнографии, оргиастические кутежи, фактическая нормативизация на уровне элиты гомосексуализма. Члены императорской фамилии, включая великих князей, оказываются напрямую связаны с порочной субкультурой. С дру-

⁴⁶ Березовая Л. Г. Сатирическая галерея Первой русской революции // Революция 1905–1907 годов: взгляд через столетие. М., 2005. С. 126–139; Боцяновский В., Голлербах Э. Русская сатира первой 1905–1906 г. революции. Л.: ГИЗ, 1925.

гой, поток русофобии, высмеивание русской традиции и традиционных русских институтов, дискредитация царя и царской власти, агрессивное западничество, атеизм или подмена ортодоксального православия модернизированным богостроительством, гностицизмом и иным сектантством. Итогом всех этих культурных инноваций явилось обрушение веры и, как следствие, социальный и государственный распад.

Сколь эстетически непривлекательным выглядел образ российской элиты иллюстрирует описание царского бала, проходившего за неделю до войны с Японией: «Придворные балы служили прекрасным экзаменом культурности высшего петербургского света. Не говорю о том, что пускались в ход всевозможные средства, чтобы попасть на бал, а попав, подвертываться почаще на глаза великих мира сего, — это обычные свойства людей, в долголетней материальной зависимости от правительства или Двора потерявших чувство собственного достоинства: обычные свойства профессиональной прислуги, одинаковой всюду, где сохранилась возможность их проявлять. Но что было поразительно, так это стадная жадность на такие вещи, которые у каждого гостя и дома могли найтись. Дело в том, что вдоль большой, прелестной залы Зимнего дворца, где свободно помещались тысячи две человек, тянулся коридор, сплошь занятый открытым буфетом с чаем, тортами, конфетами, фруктами и цветами. Считалось почему-то, что маленькие придворные карамельки в простых белых бумажках отличаются особенным вкусом, они пересыпались другими сортами, не привлекавшими алчного внимания приглашенных; фрукты же и цветы — самые обыкновенные гиацинты, гвоздики, кое-где ландыши, хорошие груши и яблоки, вот и все. Забавно было смотреть, как увешанные звездами и лентами сановники и нарядные дамы лавировали по залу, становясь так, чтобы и царский выход не пропустить, и к дружной атаке буфета не опоздать. И вот, когда кончался третий тур польского и царская фамилия скрывалась на минуту в соседней комнате, вся эта чиновная и военная знать кидалась, как дикое стадо, на буфет, и во дворце русского императора в конце XIX века происходила унижительная сцена, переносившая мысль к тем еще временам, когда ради забавы русские бояре кидали с высоких крылец в толпу черни медные монеты и пряники, любясь давкой и драками. Столы и буфеты трещали, скатерти съезжали с мест, вазы опрокидывались, торты прилипали к расшитым мундирам, руки маза-

лись в креме и мягких конфетах, хватали что придется, цветы рвались и совались в карманы, где все равно должны были смяться, шляпы наполнялись грушами и яблоками. И через три минуты нарядный буфет являл грустную картину поля битвы, где трупы растерзанных сладких пирожков плавали в струях шоколада, меланхолически капавших на мозаичный паркет коридора. Величественные придворные лакеи, давно привыкшие к этому базару пошлости, молча отступали к окнам и дожидались, когда пройдет порыв троглодитских наклонностей; затем спокойно вынимали заранее приготовленные дубликаты цветов, ваз и тортов и в пять минут приводили все в прежний вид, который и поддерживался до конца бала, так как начинались танцы, и от времени до времени государь проходил по коридору и залам, говоря по паре слов знакомым ему чинам»⁴⁷.

Никогда так не веселилась элитарная Россия как на новый 1917 год. Побиты были все рекорды закупки шампанского. Прошло всего два месяца и империи не стало.